

of constitutionalism and constitutional legality, overcoming of legal nihilism. The author draw conclusions about the modern state of the legal regulation and its practical implementation in the mattes under investigation.

Keywords: the Constitutional Court of Russia, constitutional (charter) courts of the subjects of the federation, acts of constitutional (charter) of Justice, message, presentation

УДК 343.346

Д.А. Корецкий, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ЮФУ

(e-mail: koretski@mail.ru);

Е.С. Стешич, кандидат юридических наук, доцент ФГКОУ ВПО «Ростовский юридический институт МВД России»

(e-mail: esteshich@mail.ru)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С УБИЙСТВОМ (ГОМИЦИДОМ)

Анализируется состояние уголовно-правовой охраны жизни человека от противоправных посягательств. Рассматривается проблема, показывающая, что законодательная и правоприменительная практики фактически нивелируют конституционную оценку примата значимости человеческой жизни. Сформулированы выводы о выделении в обособленную криминологическую группу преступлений, связанных с убийством (гомицидом).

Предлагаются к рассмотрению критерии отнесения преступлений к данной группе и очерчиваются ее границы. Дается авторское видение внутренней структуры гомицидальной преступности и мер, призванных вернуть человеческой жизни значимость важнейшего объекта конституционной охраны.

Ключевые слова: конституция, высшая ценность, жизнь, справедливость, убийство, статистика, латентность, устоявшаяся практика, косвенный умысел, неосторожность, гомицид (человекоубийство), гомицидальная преступность.

В советский период в криминологической литературе отмечалось, что убийства относятся к низколатентным преступлениям, и статистика достаточно полно отражает их состояние [1, с. 262–267]. Сегодня результаты специальных исследований заставили поставить выдвинутый тезис под сомнение.

Так, в основательном труде авторского коллектива НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ на основе математических измерений было определено резкое увеличение (в 2,3 раза) коэффициента латентности убийств за период с 2005 по 2009 г. [2, с. 21]. Выводы были признаны широкой научной общественностью как труднооспоримые [3, с. 177–183]: в результатах было отмечено сокращение убийств в государстве (за последние 10 лет в 2,6 раза), где их уровень всегда был «относительно стабилен». Сомневаются в положительных тенденциях динамики убийств опрошенные одним из соавторов 197 судей¹. На вопрос: «Считаете ли Вы, что число убийств в стране ежегодно снижается?», утвердительно ответили 48 судей (24,4 %). Остальные 149 судей (75,6 %) полагают, что снижается только статистика, а реальная преступность остается на высоком уровне.

Пессимистичные оценки уровня убийств и критику официальной статистики можно встретить в трудах многих известных криминологов. Профессор В.В. Лунеев, например, неоднократно отмечал, что если сложить все убийства не по фактам, а числу погибших лиц, учесть убитых среди без вести пропавших и трупов, по которым нельзя установить причину смерти, учесть убийства, квалифицируемые по другим статьям УК РФ, то коэффициент реальных убийств возрастет в 4–5 раз и составит 60–80 убийств на 100 тыс. жителей. Показатель действительно настораживает, на что справедливо указывает известный ученый [4; 5, с. 284–286].

В том, что статистика имеет серьезные погрешности, можно убедиться, сопоставив число зарегистрированных случаев умышленного причинения тяжкого вреда здоровью и погибших от этих преступлений лиц.

¹ Е.С. Стешич были опрошены 197 судей Челябинского, Ростовского, Воронежского областных судов, Ставропольского краевого суда и Верховного суда Республики Удмуртия. Стаж работы респондентов в должности судьи находился в пределах от 9 месяцев до 30,7 лет, средний стаж работы составил 16,5 лет.

Логика и здравый смысл подсказывают, что число погибших должно соответствовать числу преступлений (ч. 4 ст. 111 УК РФ). Однако простые арифметические подсчеты показали, что в течение последних 11 лет число жертв значительно меньше зарегистрированных деяний (см. таблицу).

Год	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
1. Зарегистрировано умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть (ч. 4 ст. 111 УК РФ)	18 257	14 313	12 583	11 885	9 918	9 342	8 865	8 046	7 529	6 989	6 359
2. Погибло лиц	7 876	3 728	2 032	1 299	561	893	470	702	438	931	234
Математическая разность между графой 1 и 2	81	85	51	86	57	49	95	44	1	8	25

Можно было бы списать эту странность на оплошность лиц, заполняющих статкарточку Ф. 5 «О потерпевшем», а именно графу № 10 «Характеристика потерпевшего»¹, но латентизация погибших по зарегистрированным преступлениям слишком стабильна для такого объяснения.

Изложенное подтверждает необходимость пересмотра «традиционных» подходов к изучению и фиксации преступлений, связанных с убийством. В настоящее время убийства как бы «распыляются» по различным статьям УК: из-за неправильной квалификации (как тяжкий вред здоровью, ДТП со смертельным исходом и т. п.) или по другим причинам. Одним из способов такого изменения могло бы стать объединение в одну классификационную группу всех преступлений, связанных с убийством. Эту группу предлагается обозначить «гомицидальной преступностью» (гомицидом) (от лат. homicidium, homo – человек, caedero – убивать).

Всего ответственность за убийство предусматривают 99 статей (140 составов преступлений), которые, как видится, и образуют гомицидальную преступность. Составляющие ее преступления можно разбить на следующие подгруппы:

1. Собственно гомицид – умышленные преступления, составы которых прямо включают в качестве конструктивного элемента умышленное причинение смерти (ст. 105–108; п. «б» ч. 3 ст. 205, ч. 4 ст. 206, 277; ч. 3 ст. 281, 295, 317, 357 Уголовного Кодекса Российской Федерации).

2. Сопутствующий гомицид – преступления, связанные с насильственным воздействием на потерпевшего, результатом которого часто является лишение жизни, что либо входит в содержание тяжких последствий преступления (ч. 2 ст. 203; п. «б» ч. 2 ст. 281; ч. 3 ст. 301; ч. 3 ст. 335; п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ), либо предусмотрено в качестве неосторожных, связанных со смертью человека последствий (ч. 4 ст. 111; п. «в» ч. 3 ст. 126; ч. 3 ст. 127; п. «а» ч. 3 ст. 127.1; ч. 3 ст. 127.2; ч. 2 ст. 128; п. «а» ч. 4 ст. 131; п. «а» ч. 4 ст. 132; п. «б» ч. 2 ст. 205; ч. 3 ст. 206; ч. 3 ст. 211; ч. 3 ст. 227; п. «б» ч. 3 ст. 230 УК РФ).

3. Псевдосопутствующий гомицид – преступления, по формальным признакам попадающие в группу 2, но при тщательном анализе смерть потерпевшего в них является не следствием неосторожности, а следствием косвенного умысла.

4. Неосторожный гомицид – преступления, основные составы которых включают в качестве конструктивного элемента причинение смерти по неосторожности (ст. 109, 218; ч. 1 ст. 224; ч. 1

¹ Форма статистических карт и порядок их заполнения регламентированы приказом Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29 декабря 2005 г. (ред. от 20.02.2014) «О едином учете преступлений» (вместе с Типовым положением о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях, Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений, Инструкцией о порядке заполнения и представления учетных документов) (Зарегистрировано в Минюсте России 30 декабря 2005 г. № 7339).

ст. 271.1, 351, 352 УК РФ), либо предусматривают смерть в качестве тяжких (ч. 3 ст. 137; ч. 3 ст. 145.1 УК РФ и др.) или неосторожных, связанных со смертью человека, последствий (ч. 3 ст. 123; ч. 2 ст. 124 УК РФ и др.)

5. Псевдонеосторожный гомицид – преступления, по формальным признакам попадающие в группу 4, но при тщательном анализе оказывается, что смерть потерпевшего в них является не следствием неосторожности, а следствием косвенного умысла.

Из предложенной структуры следует обратить внимание на содержание «псевдосопутствующего» и «псевдонеосторожного» гомицида. К псевдосопутствующему отнесены «смертоносные» насильственные преступления: разбои, изнасилования, насильственные действия сексуального характера, вымогательства, похищения человека, захваты заложников, террористические акты. В связи с нападением здесь жертва преступного насилия фактически лишается гарантированной государством защиты естественных прав и свобод. Таким образом, именно на виновного с начала выполнения объективной стороны преступления должно быть возложено бремя ответственности за любые, причинно связанные с преступлением неблагоприятные последствия, спектр которых он осознает.

Видится, что во всех случаях совершения указанных преступлений форма вины преступника характеризуется если не прямым, то обязательно (за редким исключением) косвенным умыслом, проявляющим в сознательном допущении наступления тяжких последствий либо безразличном отношении к ним.

Угроза для жизни потерпевшего следует уже из его захвата, лишения свободы передвижения и принятия решений, содержания в местах, не приспособленных для жизнедеятельности человеческого организма, и полной зависимости от преступного произвола. При этом угроза, по мнению профессора В.С. Лукьянова, должна рассматриваться «как полноправный признак объективной стороны, как следствие действия и в то же время его непосредственный результат, положивший начало цепочке явлений, связанных естественными закономерностями... Следовательно форма вины должна определяться по характеру отношения лица к совершенному им нарушению правил и норм, создавшему угрозу причинения вреда» [6, с. 58].

Если в ходе совершения насильственного преступления разворачивается «запущенная» виновным цепь причинных событий, влекущая смерть потерпевшего, то (если не будет доказано обратное) следует исходить из того, что действия виновного совершались с косвенным умыслом на причинение смерти потерпевшему.

При экспертном опросе на вопрос о том, допустимо ли презюмирование вины лица в умышленном лишении жизни, если оно было совершено до, в процессе или после, например, изнасилования, вымогательства, разбоя, незаконного лишения свободы, 110 (55,9 %) судей ответили «да», «допустимо, поскольку оно сопряжено с агрессивным нападением на личность, а виновный, безусловно, предвидит разнообразный ход развития событий, в том числе смерть потерпевшего, и относится к этому безразлично, т. е. действует с косвенным умыслом».

Следующие 65 (33 %) респондентов ответили «нет», «недопустимо, ибо это объективное вменение», 7 (3,6 %) выбрали иное – «все зависит от конкретных обстоятельств дела»; 15 (7,6 %) респондентов оставили вопрос без ответа.

В том или ином виде презюмирование вины в отношении смерти в подобных ситуациях допускается, например, по УК Голландии, Франции, Италии, уголовному законодательству США на основе доктрины «фелония – тяжкое убийство». При этом в целом считается, что государства разделяют психологическую теорию вины [7, с. 193].

В теории отечественного уголовного права вместе с широкой критикой оценочной теории вины ее противники признавали и «рациональное зерно» включения в содержание вины общественной оценки преступления [8, с. 22–34]. Так, видится, что перенос риска неблагоприятных последствий с потерпевшего (как делается сейчас) на преступника в гораздо большей степени отвечает принципу справедливости и приоритету охраны жизни и здоровья граждан, установленному Конституцией Российской Федерации.

К псевдосопутствующему гомициду также следует отнести преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 111 УК РФ, в ходе которого потерпевшего якобы по неосторожности лишают жизни. В теории уголовного права данная норма считается разновидностью единичного составного преступления и представляет собой идеальную совокупность преступлений. Составной характер ч. 4 ст. 111 УК РФ связывается с различным психическим отношением к деянию: умысел и наступившие последствия – неосторожность.

Частью 4 ст. 111 УК нередко манипулируют на практике. Сложившаяся судебная практика традиционно расценивает жестокое забивание потерпевшего насмерть как причинение смерти по неосторожности. Нередка такая квалификация даже в случаях сожжения заживо, причинения огнестрельных, режуще-колюще-рубящих смертельных травм в якобы «нежизненно важные органы» (хотя таких в человеческом организме практически нет). Это, как правило, обусловлено не критичным отношением к показаниям подсудимых о том, что они не желали наступления смерти, а возможно, и наличием иной заинтересованности (коррупционной, благополучия статистики и т. п.)

Критически оценивая результаты исследования Р.А. Адельханяна и «совпавшие» с ними выводы Е.В. Безручко, можно заключить, что вина абсолютного большинства осужденных по ч. 4 ст. 111 УК РФ выражается в виде небрежности [9, с. 19; 10, с. 236]. Совершенно ясно, что в случаях применения тяжкого физического насилия речь не может идти не только о небрежности в отношении смерти, но о неосторожности в принципе.

Дело в том, что субъект неосторожного преступления не сознает общественно опасного характера деяния: он не только не желает (или не допускает) причинения вреда обществу, но вообще не предвидит возможности причинения этого вреда либо уверен в его предотвращении. Отсюда вытекает особенность, характеризующая субъективную сторону неосторожных преступлений: невнимательность, безответственность [11, с. 8].

К субъективной стороне ч. 4 ст. 111 УК указанную характеристику применить нельзя, ибо лицо, причиняющее тяжкий вред здоровью путем длительного избиения и тем более применяющее травмирующие орудия, осознает опасность такого насилия для жизни и вероятность наступления смерти человека, следовательно, действует с косвенным умыслом на убийство.

Совершенно справедливыми здесь представляются слова профессора В.С. Лукьянова, который сразу после принятия действующего УК критически отозвался о введении концепции «двойной вины» и ошибке ее распространения на преступления, связанные с насилием [12, с. 29].

На последующих этапах изучения гомицидальной преступности и мер борьбы с ней предполагается отказаться от состава ч. 4 ст. 111 УК как криминологически необоснованного в связи с совпадением объективной и субъективной стороны данного преступления с составом умышленного убийства.

Так, нанесение ударов кулаком в голову, грудь, живот, поражения ножом любой части человеческого тела предполагает повреждение пронизывающих тканей, кровеносных сосудов, желез, лимфоузлов; вызывает кровопотерю или болевой шок; причиняет десятки последствий, ведущих к смерти. Соответственно и закономерно преступнику вменить в вину все последствия его действий, связанные с насильственным воздействием на организм потерпевшего. В противном случае бремя наступления более тяжких последствий перекладывается с преступника на его жертву, что не имеет ничего общего со справедливостью.

По результатам экспертного опроса 51,5 % судей считают, что любой причиненный вред здоровью (даже нетяжкий) может привести к смерти человека, так как живой организм является сложной системой, что осознает каждый здравомыслящий человек. Не согласились с этим 31,3 % судей, воздержались от ответа – 17,2 %.

Таким образом, исходя из вышесказанного, можно заключить, что гомицидальная преступность представляет собой обособленную криминологическую группу, и это требует дальнейшего изучения.

1. Криминология : учебник / под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб. : С.-Петербург. акад. МВД России, 1998. – 556 с.

2. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности : монография / под ред. С.М. Иншакова. – М. : Юнити-ДАНА, 2011. – 839 с.

3. Бытко, С.Ю. Массовое сокрытие убийств в МВД РФ: соответствуют ли оценки НИИ Генпрокуратуры реальности? / С.Ю. Бытко // Вестн. Саратов. гос. юрид. акад. – 2014. – № 2. – С. 177–184.

4. Овчинский, В. Как скрывают убийства в России [Электронный ресурс] / В. Овчинский. – Режим доступа: <http://www.business-gazeta.ru/article/34414/14/>. – Дата доступа: 15.04.2015.

5. Лунеев, В.В. Курс мировой и российской криминологии : учебник : в 2 т. / В.В. Лунеев. – М. : Юрайт, 2011. – Т. 2. – 872 с.

6. Лукьянов, В. Исключить из УК статью об ответственности за преступления с двумя формами вины / В. Лукьянов // Рос. юстиция. – 2002. – № 3. – С. 58–59.

7. Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики : сб. очерков / под ред. В.В. Лунеева. – М. : Юрайт, 2010. – 779 с.

8. Злобин, Г.А. Виновное вменение в историческом аспекте / Г.А. Злобин // Уголовное право в борьбе с преступностью. – М. : Изд-во ИГиП АН СССР, 1981. – С. 22–34.
9. Адельханян, Р.А. Причинение тяжкого вреда здоровью при особо отягчающих обстоятельствах: уголовно-правовое и криминологическое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Р.А. Адельханян. – Ростов н/Д., 2000. – 24 с.
10. Безручко, Е.В. Уголовно-правовые средства обеспечения безопасности здоровья человека в Российской Федерации : монография / Е.В. Безручко. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 344 с.
11. Дагель, П.С. Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы / П.С. Дагель. – М. : Юрид. лит., 1977. – 144 с.
12. Лукьянов, В.С. Технический прогресс и уголовное законодательство / В.С. Лукьянов // Рос. юстиция. – 1999. – № 10. – С. 29–30.

Дата поступления в редакцию: 20.05.16

D.A. Koretsky, Honoured lawyer of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of Southern Federal University; E.S. Steshich, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Rostov Institute of the Ministry of Internal Affairs

IMPROVING OF CRIMINOLOGICAL STUDY OF CRIMES RELATED TO MURDER (HOMICIDE)

The state of the criminal law to protect human life from illegal encroachments. The problem of showing that the legislative and law enforcement practice in fact negate the constitutional assessment primate significance of human life. Formulated conclusions on the allocation to an isolated group of criminological crimes related to murder (homicide).

The authors propose the criteria for classification of crimes in this group and outline its borders, offer internal structure gomitsidalnoy crime and measures to return the value of a human life the most important object of constitutional protection.

Keywords: Constitution, supreme value of life, justice, murder, statistics, latency, an established practice, indirect intention, negligence, homicide (manslaughter), homicidally crime.

УДК 343.847

Э.В. Лядов, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России (e-mail: leve2000@yandex.ru)

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ РАБОТ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рассматривается уголовное наказание в виде обязательных работ как один из альтернативных лишению свободы видов наказаний, применяемых в Российской Федерации. Раскрываются отдельные проблемные аспекты, сопровождающие реализацию данного вида уголовного наказания сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций.

Ключевые слова: обязательные работы, уголовно-исполнительные инспекции, общественно полезные работы, наказание, не связанное с лишением свободы.

Обязательные работы в Российской Федерации появились вместе с принятием Уголовного кодекса РФ в 1996 г. Однако до 2005 г. данное наказание не назначалось и, следовательно, не исполнялось. Связано это было с несколькими причинами и в первую очередь с отсутствием механизма исполнения этого наказания. Федеральным законом от 28 декабря 2004 г. № 177-ФЗ «О введении в действие положений Уголовного кодекса РФ и Уголовно-исполнительного кодекса РФ о наказании в виде обязательных работ» рассматриваемое наказание было введено в действие.

Несмотря на то, что применение данного вида наказания в России осуществляется не первый год, сегодня остаются неразрешенными определенные моменты, связанные с нечетким нормативным обеспечением его реализации.

Наказание в виде обязательных работ в соответствии с ч. 1 ст. 45 Уголовного кодекса РФ применяется только в качестве основного вида наказания. Согласно ст. 49 указанного кодекса обязательные работы заключаются в выполнении осужденным в свободное от основной работы или учебы время бесплатных общественно полезных работ.

В п. «а» ч. 3 ст. 8 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (ратифицирован Указом Президиума Верховного Суда СССР от 18 сентября 1973 г.